

J. R. Crow

ДЕВУШКА ИЗ НАГАСАКИ

УДК 82-312.9
ББК 84-445

Crow J.R.

Девушка из Нагасаки / J. R. Crow – М.: Литнет, 2026. – 230 с.

ISBN 978-5-521-99156-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Его вышвырнуло из мира праведников. Теперь он добьётся успеха в мире подлецов. Цзяо Ян, заклинатель Тёмного Пути, нашёл свой рай в столице порочной колониальной империи, где сила — единственный закон. Чтобы подняться с самых низов лондонского преступного мира, ему нужны союзники. И беглая синоби из Нагасаки кажется отличным кандидатом. Она предана делу революции, а её сердце принадлежит капитану из Марселя... Но когда Цзяо Яна останавливали такие мелочи? Вольная и беспощадная адаптация песни «Девушка из Нагасаки»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99156-3

© Литнет, 2026
© J.R. Crow, 2026

Глава 1. Паб «Чайка»

Серый туман стелился по улицам города подобно лапам уродливого бесформенного чудовища. Днём он прятал от взгляда синеву неба, ночью зловеще вился вокруг факелов и фонарей. Туман пах грязной влагой и машинным маслом. Он вбирал в себя смог от передовых производств и дешёвых папирос.

Если бы Цзяо Яна спросили, нравится ли ему этот город, он непременно ответил бы, что в более паскудные места его жизнь не заносила. Пожалуй, он и сам прекрасно понимал, что эти слова будут ложью.

Сердце Яна стучало с Лондоном в едином ритме, он вдыхал полной грудью его серый воздух вместе с одурманивающим ядом, что сейчас мягко тлел в раскуренной трубке, а тонкая струйка опиумного дыма точно так же становилась частью лондонской мглы.

Ян сидел на крыше, привалившись к печной трубе, и полужакрытыми глазами наблюдал, как копошатся в тумане тёмные фигуры, похожие на людей. Всё это – сколько возможно разглядеть – были его охотничьи угодья. Так забавно: даже скажи кому подобное вслух – и собеседник ни капельки не удивится. В Лондоне о милосердии, точнее, о том, что вообще существует такое слово – милосердие – вспоминали только стоя на подмостках виселицы, когда палач уже положил руку на рычаг. Причём попадали на виселицу чаще за двусмысленные шуточки в адрес его императорского величества, короля Гранбретании, и почти никогда – за пару аккуратных трупов, выкинутых в Темзу в предрассветный час. «Кто сильнее, тот и прав», – словно говорил безукоризненно серый город, и Ян мысленно улыбался, полностью разделяя такой подход.

– Господин Цзяо! Беда! – чей-то мерзкий голос испортил умиротворённое созерцание.

Ян резко обернулся – и младший слуга, только что выбравшийся на крышу сквозь открытый люк на чердак, поспешно потупил

глаза. Боятся. Они все его боятся. И в то же время почти боготворят. Странное чувство – оно Яну чертовски нравилось.

Лёгкий жест, переливы эссенции на кожаном браслете – и в ладонь лёг верный меч, так естественно, будто бы не его – всего-то около года назад – пришлось медленно, как норовистого скакуна, приучать к плетениям чужой гранбретанской магии.

Возник, сверкнул сталью и вновь растворился. Здесь, в тени чопорной столицы, не найдётся ни одного соперника, действительно достойного этого меча. Ян называл его «Огонь и Мрак», и верил, нет – знал, что у меча есть собственная душа. Не стоит оскорблять его всяким сбродом.

Ян легко сбежал по лестнице на первый этаж – и остановился, лучезарно улыбаясь полицейским в чёрных кожаных мундирах с золотыми, точнее – золочёными, кто будет тратить золото на простых патрульных? значками и бляхами.

Слуги, что до сей поры, кланяясь и лебезя, пытались хоть как-то сдержать непрошенных гостей, ненавязчиво сместились Яну за спину. Тот лишь усмехнулся – что взять со слабаков?

– Опиум есть? – стараясь выдержать суровый тон, спросил молодой следователь, подтянутый и, надо сказать, довольно симпатичный. Для гранбретанца.

– А свой закончился, офицер? – нахально спросил Ян, за что был удостоен болезненного тычка под рёбра дулом двуствольной винтовки одного из патрульных.

Под прицелом не менее трёх ружей Ян медленно поднял руки вверх.

Первым делом следователь вытащил заткнутый у него за пояс пистолет. Ян проводил его тоскливым взглядом: «Третий за два месяца. И где, интересно, я их наберусь?». Впрочем, понятно где – во тьме трущоб можно добыть что угодно.

Руки полицейского скользнули под сюртук, холёные ладони довольно бесцеремонно касались ткани рубашки.

– Как вам не стыдно, офицер, – Ян театрально взмахнул ресницами, – лапаете меня, взрослого парня. Ваши коллеги могут подумать что-нибудь неприличное.

– Заткнись, извращенец, – рявкнул следователь, смущённо краснея. Ладони переместились ниже, к карманам штанов. Ян вскрикнул и кокетливо качнул бёдрами:

– Ну знаете, это уже переходит все границы! Продажных девиц будете за такие места хватать, а меня не надо!

Полицейский отскочил, как ужаленный. Смачно сплюнул на и так грязноватый пол и раздражённо махнул рукой, приказывая подчинённым следовать за собой – в недра клуба, конечно же, не потрудившись вернуть конфискованное оружие, но Ян всё равно довольным усмехнулся, поздравив себя с сохранностью некоторых милых сердцу, но не слишком законных штук.

Конечно же, они ничего не нашли – честно говоря, не сильно-то и искали, опиум был необходим серому Лондону, как хлеб насущный. Вдобавок, старик Чжэн и старик Фу умели прятать, как никто. А что ещё остаётся клану торговцев дурью из страны, некогда называемой Поднебесной? Жалкому, слабому клану, пресмыкающемуся перед властью, перед большими и сильными группировками, перед аристократами и толстосумами – перед всеми.

Ян вряд ли мог однозначно ответить, почему всё ещё остаётся с ними – убивает пешек и тратит время на запугивание королей преступного мира. Неужели из благодарности к доктору Фу, который заштопал ему проткнутое насквозь сердце? Ян произвольно дотронулся до шрама на груди. Может и так, что с того?

Но даже сейчас, когда дело пошло на лад, а в глазах живущего в грязи сброда поселялся суеверный страх, стоило лишь упомянуть несколько деяний – оставались те, кого трогать нельзя даже пальцем. Полицейские, королевские гвардейцы, высокородные магистры. Потому что они – закон. А Ян просто одинокий, хоть и талантливый, убийца, имеющий за спиной только горстку напуганных торгашей.

Те, кто называл Яна сумасшедшим, наверное, были правы – посмертно. Но, подобно дикому зверю, он ощущал, когда нужно отступить. «Кто сильнее, тот и прав» – издевательски шептал серый Лондон. Ян ненавидел его в такие моменты.

Полицейские перевернули клуб вверх дном – опрокидывали кушетки, затянутые дешёвым бархатом, срывали со стен занавески, сбивали крышки с запертых ларей. Бардак, который оставался после каждого такого образцово-показательного обыска, заставлял главу Чжэна скорбно причитать и закрывать для гостей двери заведения.

Ян улизнул оттуда вслед за последним служителем правопорядка. Мысль о том, чтобы в сотый раз ставить на место пострадавшую мебель вызывала у него ни с чем не сравнимую тоску, а стоны престарелого главаря терзали уши так, словно кто-то провёл ножом по стеклу.

Так что он просто бродил по узким улицам, выложенным выщербленной временем и местами выбитой брусчаткой, между стен и чадающих факелов – на фонари в трущобах никто не тратился – и мечтал встретить кого-нибудь грубого, наглого и бесполезного, чтобы с удовольствием перерезать ему глотку. Увы, сегодня все потенциальные трупы были возмутительно дальновидны и скрывались с глаз раньше, чем Ян успевал их даже окликнуть.

Ноги сами вынесли его к нижнему порту. Это был не тот вычурный и сияющий огнями эссенции вокзал, откуда высокородные отправлялись кататься по реке на своих парусных яхтах: мрачные хижины из необработанного камня, низкие, что того гляди распластятся по земле. Рыбаки, грузчики, оборванцы в грязных лохмотьях. Воняло рыбой и разбавленным виски. Даже Ян, которого судьба заносила и не в такие дыры, поморщился и демонстративно прикрыл лицо платком.

– Ты чё нос воротишь, как трижды проклятый высокородный? – с вызовом бросил кто-то.

Не прошло и секунды, как смутьян был схвачен за воротник, а короткий нож небрежно нарисовал красную черту на его горле:

– А ты кто такой, чтобы мне указывать?

– Пра-стите, – мгновенно сменил тон мужик в рыбацком комбинезоне, всклокоченный и простоватый.

– Простить? – напоказ задумался Ян. – А если не прощу, что делать будешь, а?

– Эй, мистер! – другой голос. Настороженный, но вроде дружелюбный: – вы уж не сердчайте на него. Ну сказал человек, не подумав. А я вас выпивкой угощу!

Ловкие пальцы чуть отпустили рубашку рыбака, издевательски дёрнули за завязку.

– Тем дерьмом, которым провонял весь квартал?

– Нет, конечно, нет! В «Чайку» пойдём! – название было произнесено таким тоном, будто должно было всё объяснить.

Ян оттолкнул свою жертву, и мужик приземлился в кучу несвежих очистков. На его счастье, пострадала исключительно его гордость.

А Ян тем временем впервые внимательно разглядел незнакомца – нездешний, прилично, даже щегольски одетый. Тонкие черты лица и осанка командира.

Впрочем, тот не спешил раскрывать свои тайны – бесечно повернулся спиной и взмахнул кистью, приглашая следовать за собой. Ян с трудом подавил в себе кажущийся таким важным вопрос: «а если сейчас кинуть в него нож, успеет обернуться?» и пошёл следом – любопытство оказалось сильнее.

Незнакомец завернул за угол и остановился перед зданием повыше остальных, из окон которого лился уютный свет. Над добротной сколоченной дверью, сейчас открытой настежь, раскинула крылья белая деревянная птица.

Заведение приятно удивило Яна – внутри было чисто выметено, огонь загнан в маленькие железные светильники, а на столах почти не видно пятен разлитого пойла. Даже работяги в пыльных

ботинках старательно вытирали ноги о выдавший виды, но крепкий коврик перед входом.

– Я так и знал, – вполголоса усмехнулся Ян. – В грязи живут те, кто просто хочет жить в грязи, а вовсе не «бедность их заставила».

– Вы правы, мой дорогой друг, – слегка улыбнулся незнакомец и предложил сесть за столик у самой сцены, по сути, длинного помоста из добротного сколоченных досок. Сам разлил по стаканам быстро принесённое вино – благородного цвета и ничуть не пахнувшее кислятиной – и торжественно провозгласил:

– Долгих лет её императорскому высочеству, принцессе Эмили!

Ян поморщился – вот за кого-кого, а за её высочество пить не хотелось совершенно. Разумеется, саму принцессу он никогда не видел – ему нечего было делать среди садов и дворцов, где даже туман отступает, пристыженный роскошью высокородных поместий. Но за одно августейшее увлечение Ян готов был ненавидеть Эмилию уже сейчас.

Пространственные аномалии, в просторечье – «дыры», появлялись в окрестностях Лондона с завидной, хоть и непредсказуемой, регулярностью, выбрасывая в этот недружелюбный город обитателей иных миров, часто изнеженных и неприспособленных. Однажды Яну повезло наткнуться на такого – вот только хорошенько расспросить пришельца ему не дали – напыщенный гвардеец грубо схватил за плечо и оттолкнул прочь. «Все пришельцы из дыр принадлежат её высочеству! Уйди с глаз, бродяга!». С того случая прошло уже полгода. Но Ян запомнил. И не простил.

Он внимательно вглядывался в лицо своего собеседника. Точно не полицейский. На соглядастая тоже не похож. Но словно ждёт чего-то. Вот только чего? Ян решил рискнуть – демонстративно поставил стакан на стол и произнёс тихо, но отчётливо:

– Ну уж нет, за эту выскочку я пить не буду.

Никто в пабе даже не повернулся на это заявление, хотя Ян был готов поспорить, что все всё слышали. Зато улыбка незнакомца растянулась до ушей:

– И то верно. Кстати, я забыл представиться: капитан Луи Шеро из Марселя. А вы?

– Цзяо Ян. Из Поднебесной.

Где-то в глубинах памяти ещё хранилось название городка, где Ян встретил свой первый рассвет, но если такой и был когда-то в этом мире, то его давно занесли пески времени. А потому не стоит вызывать подозрения – быть «принадлежащим её высочеству» Яну ужасно не хотелось. Один раз повезло, что его, провалившегося сквозь злосчастную «дыру» и истекающего кровью, подобрал доктор Фу. Второй раз может не повезти.

– Тогда за знакомство! – капитан Луи опустошил свой бокал и потянулся за бутылкой.

Внезапно в пабе сделалось слишком шумно – люди хлопали в ладоши, топали ногами. То там, то тут слышались возгласы:

– Станцуй нам, Воробушек!

А на сцену уже выбежала девушка. Гранбританский неискушённый наблюдатель легко бы посчитал её одной из служанок опиумного клуба: тёмные глаза, блестящие чёрные волосы, аккуратный нос, точёная фигурка и маленькая грудь, ещё больше спрятанная тканью яркой блузки. Но с той же лёгкостью, с какой коренной лондонец отличает шотландца от ирландца, Ян определил, что девушка происходила из того странного края, который когда-то назывался Страной Восходящего Солнца. Всё-таки любят народы востока поэтические названия. Да ещё цепляются за них, как за осколки былого величия. Страны Восходящего Солнца больше не было – был «восточный завод». И Поднебесной не было – была «фабрика опиума».

Девушка подняла руки, словно прося тишины – по её запястьям извивались причудливые узоры татуировок, странно и гармонично вплетались в них пятна уродливых красных шрамов. Ожоги?

Потёртый музыкальный автомат надрывно проскрипел, выпустил в воздух струю белого пара, и зал заполнился скрипучим мотивчиком гранбританской джиги. Девушка замерла на мгновение, будто

вспоминая, потом подобрала подол пёстрой юбки, чуть оголив точёные колени, и пустилась в пляс под одобрителный гомон завсегдаев.

Стучали каблучки по доскам сцены. Стучали кружки с вином, выпиваемые за «Воробушка». Глаза танцовщицы сверкали, как чёрные алмазы, алые губы улыбались дерзко и загадочно. Наверное, мужики из нижнего порта и правда видели в ловких прыжках и порывистых взмахах рук этакую заморскую вариацию удалого народного танца, вот только Яну казалось, будто перед его взором разыгралось сражение с невидимым врагом. Слишком точны эти движения для кабацкой танцовщицы. Слишком цепок этот глубокий и пристальный взгляд.

И когда девушка остановилась и отвесила публике шутовской поклон, Ян сам не заметил, как произнёс вслух:

– Мне понравилась твоя изящная пляска смерти.

Танцовщица подняла голову – чуть повернула, незаметно, и посмотрела ему прямо в глаза...